

ВИКТОР ЛЕДЕНЕВ

# ВЬЕТНАМСКИЙ КОКТЕЙЛЬ



Вьетнамский коктейль

Виктор Леденев

**Вьетнамский коктейль**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

## **Леденев В.**

Вьетнамский коктейль / В. Леденев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Вьетнамский коктейль)

Повесть рассказывает о малоизвестной странице нашей истории - участии советских специалистов в войне во Вьетнаме. Главный герой Павел служит в спецподразделениях, занятых технической разведкой. Они обезвреживают новейшие мины и бомбы, охотятся за вражескими новинками в области электроники. Не всегда рейды в джунгли заканчиваются удачно. Павлу и его друзьям приходится выживать в очень сложных условиях. Иногда приходится жертвовать очень многим, чтобы выполнить задание и уцелеть. "Золото самураев" - продолжение повести "Вьетнамский коктейль", в которой главному герою приходится иметь дело с международной преступностью, война словно преследует его.

© Леденев В.  
© Мультимедийное издательство  
Стрельбицкого

# Виктор Леденев

## Вьетнамский коктейль

*Все события, описанные в этой повести основаны на реальных фактах еще мало известных широкой публике даже сегодня. Изменены имена действующих лиц и некоторых населенных пунктов. Всякая схожесть героев повести с реальными людьми является почти случайной.*

*Автор*

**Четверг, с 6 до 8, Хадонг, пригород Ханоя.**

Я проснулся от мата, точнее от удивления. Мало того, что исполнитель монолога был довольно визглив, но, прежде всего, был полным дилетантом в области лексикона. Ни один сапер, а тем более подрывник-диверсант не мог быть так примитивен и визглив одновременно. Сапер ругает бомбу или ракету, которую разряжает, степенно, уважительно и, главное, весьма разнообразно. Те, кто допускали многочисленные повторы или пытались кричать, а тем более визжать при этом важном процессе, увы, уже не имели возможности исправиться. В джунглях во время стычки с такими же идиотами, как мы сами, диверсант ругался азартно и выразительно, даже по рации. Ни один спец из их сраного ЦРУ не понял бы смысла ни единого сообщения, зато мы все секли и потому, а бывало, что только поэтому мы были живы и могли совершенствоваться в этой отрасли великого и могучего русского языка.

Вот такие мысли пришли мне в голову, точнее чугунную гирию, которая еще вчера (точно помню) была моей головой. Открывать глаза и отрывать эту гирию от подушки очень не хотелось, но любопытство сгубило даже кошку. Противомоскитная сетка над кроватью была наполовину поднята, и я увидел натурального Джеймса Бонда, как его представляли наши инструкторы, которые на специальных просмотрах видели фильмы о нем, а потом пересказывали нам их содержание, делая главный упор на жутком вражеском нутре этого супермена. Не знаю, как выглядел Бонд на экране, но этот был в классической тенниске и хлопчатобумажных китайских брюках цвета хека серебристого из наших родных гастрономов. От натуги он раскраснелся, и внушительного вида кулаки были сжаты до побеления. Видать рассердился сильно. По виду он тянул на полкана из Москвы, так как наш Командир робко (если это слово вообще можно было применить к Командиру) стоял у него за спиной и дико вращал глазами, приказывая мне не открывать рот и молчать, как тот самый хек серебристый.

Вообще-то я смекалистый, и потому молча и очень стремительно вскочил с койки и встал перед полканом как лист перед травой. Мало того, я даже попытался отдать четкое воинское приветствие. К сожалению, на мне не было не только какого-либо головного убора, но даже трусов (жарковато в этой стране), то полкан взял еще на полтона выше и орал уже что-то совсем несусветное. Командир и проснувшиеся ребята с интересом наблюдали за бесплатным спектаклем, и я старался, как мог перед публикой. Якобы сконфузившись, я резко, по-американски, отбросил ладонь от головы и зацепил ею противомоскитную сетку, которая свалилась на меня и полкана – у Командира реакция что надо и он отскочил в сторону. Завывания старшего по званию были совершенно заглушены громовым хохотом наших парней, а уж они-то ржать умели как, впрочем, и многое другое, о чем этот московский инспектор только мог подозревать.

Наконец, расправившись с сеткой, он приказал явиться к Командиру через час, но не в таком ненормальном виде. При этом почему-то ткнул пальцем в сторону самого низа моего живота. Что он нашел там ненормального, я не понял – все мои знакомые девушки как раз единогласно утверждали, что где-где, а тут у меня все было абсолютно нормальным и надежным. Но не станешь спорить со старшим по званию, да и свидетельниц вызвать было бы трудновато, далеко все-таки. А здешние ни бельмеса не смыслили по-русски и смогли бы выразить

свой восторг лишь закатыванием миндальных глаз и нечленораздельными для нормального европейского уха восклицаниями.

Когда они уже выходили из комнаты, Командир повернулся и каким-то жестким казенным голосом четко произнес: «Ровно через час – ко мне». Ох, не понравился мне этот его тон... Ясно, что не за вчерашнюю пьянку пойдет речь, а о последнем рейде, когда мы закопали Славку за двести километров отсюда в этих проклятых джунглях, Дениса с его простреленной рукой вообще отправили домой, а я отвалился неделю с разбитой головой (благо она у меня крепкая) в местном госпитале. Ох, не нравилось мне все это...

Нацепив для порядка на себя шорты и майку, я побрел в радиорубку, как мы обычно называли совершенно недоступное для большинства ребят помещение радиостанции. Автоматически набрав секретный код замка, я так же автоматически отстучал телеграфом по кнопке звукового сигнала еще один код. Замок негромко клацнул, и я вошел в знакомую до мелочей комнату. Приемники все работали одновременно и только такой слух, как у моего напарника Кольки мог одновременно слышать все и, если нужно врубать запись какого-нибудь интересного диалога между пилотом и диспетчером где-нибудь в Дананге. А Колька занимался любимым делом – что-то паял. Страсть к рационализации у него было неистребима, где-нибудь в конструкторском бюро, а не здесь, в вонючих джунглях, ему бы цены не было. Но там сидели другие люди, Колька доводил до ума их хитроумные электронные разработки без всякого специального образования, кроме радиотехникума. Проклятые цэрэушники, если б знали о Кольке, специальную группу захвата не пожалели бы для него, но гении обычно прозябают в неизвестности и Колька не был исключением.

Легонько хлопнув его по плечу в знак приветствия, я получил столь же лаконичный ответ в виде кивка головой – руки его были заняты паяльником. Я с удовольствием вдохнул знакомый запах разогретой канифоли и открыл холодильник – предмет нашей гордости и зависти всех остальных ребят. Мы его использовали не только по прямому назначению, но и как кондиционер – в сорокоградусную жару, да еще когда наша суперсовременная электроника в виде сотен радиоламп добавляла в тесной комнатке пару-тройку лишних градусов. При круглосуточном дежурстве засунуть голову во чрево нашего спасителя хоть на несколько минут, было просто спасением от примитивного теплового удара, перед которым пасуют все, даже, наверно легендарный Джеймс Бонд.

Но у меня там хранилось еще одно лекарство от головной боли, радикальное, как гильотина – запотевшая глиняная бутылка гнуснейшей в мире рисовой водки. На заморские деликатесы в виде «Столичной» или «Московской» наших скудных финансов не хватало. Обходились и рисовой.

Я поставил бутылку среди груды радиодеталей перед Колькой и сказал со всем великодушием, которое мог себе позволить в этот тяжелый момент.

– Бери. Закрывай свою богадельню, Кулибин, и выпей за мое и свое здоровье, чтоб оно нам еще понадобилось.

Колька обрадовано и недоуменно поднял глаза от своего очередного радио шедевра.

– Это ж твоя!

Он был прав, по нашим неписаным законам никто не мог претендовать без специального приглашения на выпивку группы, вернувшейся с задания. Водка была наша и ничья больше.

– Было наше, стало ваше. Нельзя мне сегодня, Командир зовет.

Я уже убедился, что Колька умеет виртуозно стучать не только на телеграфном ключе, и добавил: – Пойду получать втык за вчерашнюю прогулку.

Колька, работая под наивняка, закинул наживку.

– А может снова рапорт писать о последнем рейде?

Наживка не сработала.

– А что я еще могу написать. Я из госпиталя-то сбежал, потому что меня там не лечили, а заставляли писать эти рапорты. «Чего же боле, что я еще могу сказать, теперь, конечно в вашей воле...»

Это я продемонстрировал свою глубочайшую эрудицию и высокий интеллект, а заодно постарался показать, что мне все это уже осточертело и никак меня не волнует. Вид целенькой бутылки перевел мысли Кольки в нужное русло и он, быстренько распахав детали по коробочкам и ящикам, выдернул из розетки паяльник и вопросительно посмотрел на меня, крепко сжимая горлышко бутылки.

– Так я пошел?

– Иди, иди, и помни, что у тебя есть такой верный друг.

В этот момент я казался себе настоящим добрым самаритянином и чуть не прослезился от собственного благородства – вот так, за здорово живешь отдать целехонькую бутылку водки! Чтобы не разрыдаться от жалости к самому себе я быстренько подтолкнул ошастливленного Кольку к двери и с облегчением захлопнул ее за ним. У меня оставалось уже только двадцать четыре минуты.

Торопливо открыв железный ящик, громко именуемый сейфом, я быстро нашел, что мне надо. Вообще-то в этом сейфе по инструкции хранились мои личные коды, но, пользуясь тем, что доступ к нему мог быть у кого-либо только в том печальном случае, если меня подстрелят, взорвут или прирежут шикарным ножичком, который так обожают иметь при себе американские зеленые береты. А до тех пор в ящике хранилось, кроме кодовых таблиц много полезных вещей, среди которых небольшое, со спичечный коробок приспособление, очень полезное в некоторых случаях, а такой случай как раз и был.

Я не ошибся. Это действительно был полкан или немного пониже, но явно с чрезвычайными полномочиями, так как восседал за командирским столом, а сам Командир сидел на единственной табуретке в его «кабинете» – малюсенькой комнатке с железным шкафом, столом и кроватью с противомоскитной сеткой, свисающей до пола. Командир кивнул в сторону кровати и я, откинув сетку, присел на краешек, всем видом выражая искреннее раскаяние и готовность понести любое наказание. Полкан начал издалека.

– Что это вы себе позволяете? Не успел я приехать, а уже весь Ханой знает, что советские специалисты, приехавшие помогать дружественной стране тракторами и другой сельхозтехникой, ведут себя, как последние бандиты и хулиганы. Мало того, что вы напились до скотского состояния, что себя не помните, так еще и воровством занялись – отобрали у бедного вьетнамца ананасы! И избивали его!

Тут полкан был не прав. Я обладал не всегда приятной особенностью помнить все до мельчайших деталей, даже если был пьян, по его словам, до скотского состояния. Во-вторых, мы ничего не воровали, мы честно отдали тому вьетнамцу все оставшиеся у нас донги. Правда, он лепетал что-то по своему, видимо, ему показалось мало, но мы-то тут причем – отдали все, что было. И никто его не избивал, просто Серый его немного толкнул в грудь ладонью (даже не кулаком). И опять-таки причем тут мы – просто у Серого ладонь величиной с совковую лопату. Вьетнамец элементарно отлетел в сторону. И уж совершенно мы не виноваты, что при этом он врезался в каменную стену дома. Здесь уж все претензии к строителям славного города Ханоя – стены здесь крепкие и твердые. А когда мы увидели, что вьетнамец больше не возражает, мы и прикатали тележку с ананасами и угостили ребят, многие из которых вообще их в жизни не пробовали, вот и съели все до единого.

Примерно так выглядели мои объяснения по поводу вчерашнего происшествия, как я скромно охарактеризовал все случившееся. К чести полкана, он выслушал весь этот бред, не перебивая. Я понял, что вся эта галиматья с выпивкой ему до лампочки, он пришел по мою душу совсем по другой причине. И он меня не разочаровал.

– Ладно, оставим пока в стороне эту вашу хулиганскую выходку и вернемся немного назад, к вашему удивительному спасению из плена.

Так вопрос о нашем последнем неудачном рейде пока никто не ставил: Славку застрелили почти в самом начале – нас застали врасплох и в этом, конечно, мы сами виноваты, меня треснули по башке прикладом и вырубил начисто. Но ведь против нас работали не мальчики из мафии, а южные рейнджеры с двумя американскими инструкторами. Это не в кошки-мышки играть против таких ребят. Правда, одному я все-таки успел сломать руку, а Славка другого смастерил ножом, а еще одному голову отвернул в другую сторону, но ведь их было двенадцать, а нас двое. И, в конце-то концов, я успел переключить рацию на аварийный сигнал, и остальные ребята меня вытащили из того дерьма, в котором я сидел по уши. Да и сам я воспользовался славкиным «стечкиным» и сполна рассчитался кое с кем, особенно с теми двумя янки. До сих пор, наверно там и лежат их косточки – зверье быстро работает. И вот тебе на – плен! Какой же это плен, если я наверно полчаса был в отключке, потом меня использовали как боксерскую грушу для отработки наиболее чувствительных ударов, а когда подоспели Миша, Роман и Денис со своими «калашами» (плюс мой «стечкин») тут все и стало ясно, в чью пользу счет. У нас один труп, один тяжело раненый (Денису чуть не напрочь оторвало руку) и я – полуживой после всех этих боксерско-каратистских упражнений, но все-таки ходячий. И рация была цела и «вертушка» (храни тебя Бог, Вася) подоспела, и мы успели дотащить Дениса живого... Все это полкан знал, как азбуку – мы исписали полтонны бумаги, подробно описывая каждую секунду того боя. И вот тебе новый поворот – мне собираются шить пребывание в плену, который я, дескать, предпочел, вместо того, чтобы с шиком и криком «За Родину» застрелиться. Мне стало совсем грустно. Это вам не пьянка и не драка с вьетнамцем...

Полкан опять-таки внимательно меня выслушал, не перебивая и не задавая вопросов (все писал на пленку, после будет выискивать несовпадения или еще что-нибудь) потом вдруг стал мирным, даже добрым и, достав из нагрудного кармана пачку московской «Явы», предложил закурить. Я вежливо отказался, присовокупив, что предпочитаю свой любимый «кэмел». И тут, как на грех, когда я собирался лихо достать своего «верблюда», пачка зацепилась, и сигареты посыпались по полу. Пока я на карачках лихорадочно их собирал, полкан даже вежливо отвернулся, о чем-то заговорив с Командиром. Наконец, я встал с четверенек и, чтобы хоть как-то реабилитироваться за свою оплошность, лихо прикурил, смачно шелкнув трофейным «Зиппо». Полкан укоризненно покачал головой и переменял тему разговора.

– Стыдно, Мочалов, напиваться до такого состояния, что даже сейчас не можете разобраться, с кем вы разговариваете в данный момент, не понимаете, с кем можно балаганить, как вы сейчас, а с кем нет.

Тут уж и меня повело.

– Никак нет, товарищ полковник. Вам около 45–46 лет, рост 176, вес около 84, в Комитете примерно 4–5 лет, пришли из МВД. Имеете опыт милицейской оперативной работы, у вас повреждены сухожилия на левой руке, во время краткосрочной подготовки совершили один или два прыжка с парашютом – последний неудачно, с переломом голени и вы служите в инспекционном отделе. В последнее время пробыли не менее двух месяцев в Западной Европе, работая в посольстве. В Юго-Восточной Азии впервые, по образованию, скорее всего историк или юрист, учились заочно. У вас есть где-то сильная рука и, возможно, скоро станете генералом.

На полкана тяжело было смотреть, зато Командир сиял от удовольствия. Наконец полкан обрел способность снова дышать.

– Откуда это все вам известно?

– Из наблюдений, товарищ полковник. Бродя по свету, я не закрываю глаз.

– Это он О.Генри цитирует, – счел нужным просветить полковника Командир.

– О.Генри, он, что из Интелленгент сервис, ирландец? Я осмелился вмешаться в этот литературный диспут.

– Никак нет, американец. Из ЦРУ.

– Так вот как вы повышаете свое образование...

Полкан начал подозрительно багроветь и Командир еле заметным кивком указал мне на дверь.

Мне трудно было удержаться рвануть бегом в родимую радиорубку, но заставил себя неторопливо покурить с ребятами, аккуратно потушил сигарету и, деловито взглянув на часы, пошел к своей комнате. О Кольке можно было, не беспокоится, ребята мимоходом сообщили, что он что-то уж больно веселый отправился погулять на берег речки и прихватил своего закадычного дружка. При этом намекнули, что в руках у него был объемистый сверток. Так что Колька часа на три-четыре нейтрализован. Приемники в рубке привычно бормотали, шипели, наигрывали музыку и просто болтали. Я подсел к «укавешнику» и привычно нашел нужную частоту. Качество передачи было просто отличным. Полкан говорил жестко и громко.

– ...и вы не сможете доказать, что он не вступил в контакт с американской разведкой во время его так называемого плена?

Командир тоже не выглядел овечкой.

– Не говорите глупостей, Лев Сергеевич. Ведь он был частично без сознания, потом – бой и Павел лично разнес вдребезги как раз обоих американцев.

Да, ну и рожи были у них, когда они увидели у меня в руках славкин «стечкин». Силенок у меня оставалось маловато, и я страшно боялся промазать, но с двух рук я не промазал. Первая же очередь превратила их тупые или нет(?) головы в кровавые фонтаны. Потом уже перевел ствол и на вьетнамцев...

– А вы не думаете, что он это сделал умышленно, так как понимал, что в случае захвата в плен этих цэрэушников другими членами группы, они могли заговорить и выдать его?

– Мои ребята в плен никого не берут, и раненых не добивают. Они просто умеют смыться быстро и без лишнего шума.

– Но ведь такое могло случиться?

– Случиться может все, но то, в чем вы подозреваете Павла, полная чушь и причина этого – ваша полная некомпетентность в специфике нашей работы здесь.

(Во, дает Командир! Сказануть такое москвичу...)

– Все-таки я считаю, что Мочалова нужно отправить в Москву и пусть разбираются с ним там, там умеют это делать. Если он завербован – расскажет все.

(Ага, как же! Там расскажешь даже то, о чем и слухом не слыхивал и видом не видывал. Не идиоты, знаем, как это делается.)

– Категорически возражаю. Мочалов один из лучших моих людей – прекрасный радист и подрывник, а потом знаете ли вы, Лев Сергеевич, его кликуху здесь у ребят?

– Вы говорите, как какой-то уголовник, а не профессиональный разведчик, «кликуха»...

– А я и не профессиональный разведчик, я – диверсант и сапер. Именно потому я здесь и делаю всю вашу грязную работу.

– Интересно, инженер-капитан второго ранга, что вы нашу работу называете грязной, очень интересно, что охота за военными новинками нашего потенциального противника вам кажется грязной.

– Не передергивайте карты, полковник. В КГБ и ГРУ есть специальные отделы, прекрасные спецы, которых вы годами готовите для этой работы, а сюда послали ребят, которые и в армии-то не числятся, и потому вы и пальцем не пошевелите, если с ними что-то случается – это, мол, не мы, не наши люди и мы знать ничего не знаем! Сами боитесь запачкать руки, и мы делаем все вместо вас. Вот это я и называю грязью.

– Интересная точка зрения для кадрового военного, думаю, ее будет интересно узнать и в Москве.

– Не пугайте полковник, здесь нам и своего страха хватает, мы не супермены какие-то, а обычные люди в необычных условиях. И ни к кому из моих ребят я не имею претензий – бывает, они ошибаются, но то, что вы сказали о Мочалове, это же верная смерть для него. Вы же знаете, сами, виновен он или нет, а я знаю, что нет, живым вы его из своего ведомства не выпустите. Какой-нибудь несчастный случай, сердечный приступ, внезапный грипп со смертельным исходом... А вот вы оскорбились словом «кликуха», а зря. Мочалова прозвали «ликвидатором».

– Это что, из греко-римской мифологии?

(Точно, он исторический заканчивал, раз такие слова знает.)

– Нет, все гораздо менее заумно – это просто сокращение слова ликвидатор, он гений в этом деле. У него в башке есть специальный отдел, который выдает такие планы по ликвидации объектов, что у вашего заклятого врага ЦРУ мозгов не хватает, чтобы додуматься до такого. Так что Мочалова я вам не отдам.

– Тогда я вынужден буду обратиться в Москву, и вы получите официальный приказ, это вам же дороже обойдется, идем на вашу радиостанцию и свяжемся с Москвой.

(Ого, дело пахнет керосином...)

– К радиостанции я вас подпустить не могу, и передавать ваши запросы не имею права. Здесь у нас свои законы. Выходите на вашего координатора и ведите связь через него. Кстати, а почему бы вам ни поискать этого вашего «соловья» среди ваших людей?

Ведь о точном месте ребят в том рейде знал только он, ребята поменяли место эвакуации всего за два часа перед инцидентом, даже нам они не успели сообщить, а их там уже ждали... Подумайте об этом.

– Как вы смаете сомневаться в наших людях. Вы просто зарываетесь! Координатор – многократно проверенный человек, потомственный, можно сказать, разведчик. Знаете, кто его отец?

– Не знаю и знать не хочу, а на вас, видимо, слишком действует эта фамилия, если вы начали болтать лишнее даже в беседе со мной.

(Браво, Командир, отличный удар в челюсть. Полковник сразу сник).

– Я же знаю, с кем говорю, это между нами, чтобы доказать абсурдность ваших подозрений об утечке информации о ваших последних рейдах из наших источников.

(Так, я, кажется, не захватил кусочек важного разговора. Дело тут уже пахнет не керосином, а хорошенькой бомбой килотонн на двадцать и Москва срочно ищет козла отпущения. Догадываюсь, кто этот козел. Это я.)

– А откуда у вашего Мочалова такая точная информация обо мне? Вы что ли ему рассказали?

– Бог с вами, Лев Сергеевич, он же вам все объяснил – элементарная наблюдательность.

– Но он же меня видел всего несколько минут. Да еще с похмелья.

– Ему хватило, а остальное – результат элементарной дедукции, как у Шерлока Холмса. (Слава Богу, про Холмса полкан слышал, и Командиру не пришлось объяснять, что Шерлок не работает на ЦРУ).

– Короче говоря, ваш Мочалов мне весьма подозрителен. Все его рапорты и остальное поведение требуют серьезной проверки.

– Вот и проверяйте по своим каналам, здесь у вас людей, как сельдей в бочке, ищите да обрящете.

– Хорошо, мы будем искать, но до получения приказа из Москвы, а я думаю, дня через два его получу, Мочалов должен быть под наблюдением – никаких отпусков в Ханой, никаких прогулок за территорией объекта. Отстранить от участия в будущей операции «Сайгон».

(Ну, молодцы, даже название успели придумать. Очень оригинальное и жутко закодированное – ни за что не догадаешься, о чем речь!)

– Это невозможно, весь план разработан им и он единственный из ребят, кто побывал там и знает обстановку лично, а не по рассказам и планам. Он же ликвидатор – ему все равно, каков объект: крыса или железнодорожный мост и он сделает все так, что ни у крысы, ни у моста не будет ни единого шанса уцелеть.

– Вот меня и пугает, как здорово он у вас работает, а в Сайгоне пепельницы в отелях ворует, прямо, как в Москве. Сувениров ему, видите ли, захотелось. А если б его прищучил какой-нибудь элементарный полицейский?

– Вы плохо изучили его рапорт, товарищ полковник. Как раз он нашел единственно правильное решение в той ситуации. Он ушел от весьма неприятной встречи с американской военной полицией, а местная полиция не представляла угрозы...

– Это он вам так доложил, а вы всему верите.

– Данные не только из его рапорта, но по объективным сведениям, полученных по трем независимым друг от друга каналам. Между прочим, один из них – ваш.

(Я знал, что нас трижды перепроверяют, но ведь я был там только с одним вьетнамцем из их штаба диверсионных операций, откуда же еще каналы? На этого полкана видно кто-то сильно давит, вот он и мечет икру.)

Коридор у нас был гулкий (бывшая средняя ихняя школа), а наша радиорубка в самом его конце, так что у меня, было, навалом времени, чтобы переключить диапазон в приемнике, вырубить магнитофон и заменить пленку. Колька, кажется, был на взводе, так как последнюю цифру кодового сигнала отстучал неуверенно.

Точно, его слегка пошатывало, и, конечно, несло рисовой сивухой на десять метров в округе.

– Привет бродягам эфира, – начал, было, он, но покачнулся и схватился за маг, намертво прикрученный к стене.

– Ого, тепленький... ты, кажется, кого-то унюхал и зафиксировал. Ну-ка, что там за новенькие секреты у проклятых империалистов.

Рука его неожиданно точным и совершенно трезвым движением повернула ручку прослушивания записи. Из динамика раздал ровный шум чистой ленты. Колькино разочарование было великовато даже для пьяного, и он уставился на меня, не мигая своими серенькими глазками.

– На дурку нарвался, пустышку записал, вот и стер, чтобы не позориться. Но тебя-то не проведешь, я вижу.

Он ухмыльнулся.

– Эт-то точно, нас, королей эфира, не проведешь. Ладно, я иду в табакерку, ты меня не видел, я тебя не слышал, Пока.

Он ушел, а я еще пяток минут приводил нервы в порядок. Версия, которую я выдал Кольке, была абсолютно правдоподобна – американцы часто запускали в эфир магнитофонную запись большой активности где-нибудь на одной из своих авиабаз и пока мы радостно писали километры пленки «ценной» информации, где-то в другом месте проходила настоящая подготовка очередного налета или еще какой-нибудь пакости. Не сразу, но мы научились распознавать эту «липу», правда, для этого иногда требовалось всего полчаса, а иногда можно было купиться часа на два. Такие «оплошности» мы старались не выносить за пределы нашего маленького коллектива, и ничего особенного в расспросах Кольки не было, но уж как-то сразу он обратил внимание на теплый магнитофон. Блестящая советская электроника, базирующаяся на радиолампах еще пятидесятых годов, увы, выдала меня. Ничего вроде бы необычного, но для пьяного такая наблюдательность... А-а-а, нервы все это, случайность, не более.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.